

Вас люблю

После завершения юбилейных празднеств в Москве, накануне греческой премьеры своего телесериала «Одиссея», Андрей Сергеевич Кончаловский мчался по улицам Афин на мотоцикле. Боги на секунду отвернулись от него: он упал, сломал руку. Оказался в больнице. И сейчас вынужден довольствоваться лишь пространством своей московской квартиры, расположенной в том же доме, где жил Владимир Высоцкий. Помимо кино, Кончаловский известен своими романами. Впрочем, известно и то, что сам он о них никому не рассказывал.

Беседу о превратностях любви он начал с рассказа о своей матери — Наталье Петровне Кончаловской — и потом, рассуждая на совсем другие темы, говоря о других женщинах, не раз возвращался к ней. Действительно, Наталья Петровна, внучка великого русского живописца Сурикова и дочь художника Петра Кончаловского, была личностью неординарной. Писательскую карьеру она начала как переводчик английской поэзии. Сочиняла стихи (можно вспомнить романс из фильма ее друга, Никиты Михалкова, — «Раба любви»), написала книгу о Сурикове, стихотворное повествование об истории столицы, даже перелагала либретто для опер. Ее книга, выпущенная к 800-летию Москвы, и праздничное действо, срежиссированное Андреем Кончаловским в честь уже 850-летия города, назывались одинаково — «Наша древняя столица». Слово «наша» в этом контексте звучит почти по-семейному.

Боль и блаженство Андрея Кончаловского

Идеальная мать и неидеальная отчизна

— Мама — ваш женский идеал?

— Наверное, подсознательно... Моя мать во многом совместила в себе черты — и физические, и умственные, и душевные, — которые как бы слились из двух генетических струй: Суриковых и Кончаловских. Она из семьи с традициями европейской культуры, где говорили по-французски, английски, испански. Бабушка, Ольга Васильевна Сурикова, была наполовину французской. Если посмотреть на «Боярыню Морозову», то увидите слева и справа румяных, белокожих, широкоскулых, раскосых и курносых барышень. Мама очень похожа на них, впрочем, как и бабушка. Это — суриковский тип. Надо сказать, Василий Иванович очень любил женщин, он и свою жизнь укоротил из-за любовных похаживаний.

— Вы пошли в прадеда?

— Не знаю. Суриков любил и много писал сибирское, яцкое казачество, которое во времена похода Ермака перемешалось с бурятами. Это северо-восточная русская красота, очень азиатская. И когда я встречаю такой женский тип, он мне кажется родным. Конечно, мать многое определяет в жизни каждого мужчины, особенно в очертаниях его лица.

— И бывает, на протяжении всей жизни он ищет похожую на нее женщину?

— По-разному. Иные ищут, иные — нет. Есть такие, кто всю жизнь не может найти идеал, связанный с образом матери.

— Американская актриса Ширли Маклэйн в своих мемуарах «Танец в луче света» писала, что вы ежедневно звонили Наталье Петровне, в каком бы городе вы ни находились?

— Верно. Но я не могу сказать, что мои отношения с мамой были подозрительно интенсивными, что я жить без нее не мог. Я не слепо в данном случае теории Фрейда. Уезжая на Запад, понимал, что, видимо, не смогу ее видеть. Это было очень болезненно... Правда, я никогда не знал, как сильно она меня любит. Когда я видел ее в клинике в последний раз, мама призналась, что любила меня больше всех на свете. Но это надо потерпеть, чтобы почувствовать.

— Что, на ваш взгляд, было главным в Наталье Петровне?

— Энергия. Это качество, наверное, самое существенное и в человеке, и в произведении искусства. Она была человеком неспокойным. Никто никогда не видел ее спящей. Она всегда что-то делала. Это могли быть переводы Мистраль. Или — носки внукам, которых она опекала. Какое-то шитье — платье, шляпы, кулинарная работа или мытье полов... Когда ей было уже тяжело ходить, а мы собирали друзей, то я просил ее только об одном — не двигаться, поскольку приглашал помочь женщин. Но она все же вставала, всех выгоняла, все делала сама, а потом валась с ног. Я ей говорил тогда: «Мама, я же тебе сказал — не лезь, ну не лезь». Такой характер...

— Но ее энергия была очень конструктивной, по-видимому.

— Это-то да. Энергия, наверное, в определенной степени связана с потенцией. Альберт Моравиа говорил, что у художника может быть только один недостаток — это импотенция. Иногда видишь произведение, где все вроде бы замечательно сделано, а энергии нет. И душу не задевает. Мама всегда была человеком огромной потенции — чувственным, влюбчивым...

— Беата Тышковиц говорила мне,

что Наталья Петровна — ангел-хранитель вашей большой семьи и сама она тоже называла ее мамой.

— Это так. К маме было настоящее паломничество, она умела давать людям положительные заряды. Многие мои женщины навсегда оставались ее верными друзьями. К счастью, с возрастом в ней прошла суриковская нежность. У бабушки еще была категоричность: только черное или белое, никаких полутонов. Мама ко всему относилась примирительно.

Пока у мужчины есть мать, он не сирота. Когда вижу солидного мужчину, бережно поддерживающего мать, в душе возникает огромная нежность. Я люблю снимать старых людей.

— Когда вы были нежеланной персоной в нашей стране, все же умудрялись приезжать в Москву на мамин день рождения, на свой, а также на Новый год. В каждую новогоднюю ночь вы надеваете ботинки, купленные вашим дедом Петром Кончаловским еще в 1909 году. Для меня этот штрих выразительнее любого пафосного разговора о любви к Родине.

— Все мы сейчас как бы делимся на тех, кто любит Родину, а кто — нет... Если скажешь про нее, что то критичное, сразу будешь зачислен в ряд мажорсов или кого-то еще. Это слепая любовь. Мне кажется, ее можно сравнить с детской, незрелой любовью к матери. Попробуйте проследить, как трансформируется любовь к матери с годами. Когда ребенка спрашивают, за что он любит свою маму, тот отвечает, что лучше ее нет на свете. Когда человек взрослеет, зреет, он начинает видеть недостатки матери, они могут его даже раздражать, но от этого его любовь к ней не исчезает. Любви потому, что любишь.

— Точно так же мы говорим и о своей стране.

— Конечно. Однако сегодня патриотизм считается именно слепой любовью. Раньше Россия была, мол, прекрасной гармоничной страной, тогда не было никаких проблем, давайте вернемся туда. Такие люди с порога отрицают, скажем Чаадаева, который говорил, что не привик любить свою Родину с замкнутыми устами и закрытыми глазами, что любовь к ней — великая вещь, но любовь к истине ему дороже. Зрелая любовь подразумевает приятие объекта любви с его недостатками, и ничего дурного в этом нет.

Интересна ваша трансформация национального характера. В финале «Курочки Рябы» вы оставили зрителя на пеленище дома неоявленного фермера Чиркунова. А в конце действия на Красной площади словно открывали рассветную даль.

— В «Курочке Рябе» я оставил зрителей совсем не на пеленище. Они уходили оттуда вместе с Асей, которая спрашивала: «А может быть, мы и в самом деле дикие?» Это уже первый признак, что она не дикий. Как правило, дикий думает о себе очень высоко, он не видит своих недостатков. У Аси же есть основа к росту. Другой вопрос: мне хотелось в этом фильме сказать обо всем, что наболело. Я могу до сих пор чуть ли не каждый день отсылать к «Курочке Рябе». Если внимательно всмотреться в то, что происходит в правительстве, в Думе, то увидите, что Курочка Ряба сидит везде.

— А в Иванушке-дурачке, которого вы вывели на празднике столицы, нет ничего от дикаря?

— Там я пытался сделать не психологический экскурс, а отразить историю и культуру страны. Правда, если

бы я задумал показать нашествие татар, поляков и французов, то стало бы скучно и националистично. Я вывел собирательные образы, воплощающие созидательную и разрушающую силы: Иванушку и Дракона. Соединил в этом действе три, казалось бы, несовместимые формы — эпископальную (консервативная), метафизическую (церковная) и абсолютно земную, цирковую (клоуны, Иван с мужиками, скоморохи). Все это спланилось в нечто целое.

— Фильм об этом будет?

— Да. На Красной площади работало 15 камер. Картина монтируется сейчас в Англии.

— Мне посчастливилось разговаривать с Питером Бруксом о его «Махабхарате», и он сказал, что один из уроков этого индийского эпоса состоит в том, что любой человек должен быть в жизни хорошим политиком. Иванушка-дурачок, иными словами, не может всю жизнь оставаться наивным, а должен стать хитрее Бабы Яги.

Замечательная мысль. Согласен с ней полностью. Питер Брук — мой любимый режиссер. К той внутренней гармонии, которой он живет, надо еще прийти. Она — результат разработанной системы ценностей, которая передается обычно по наследству и чаще всего в религиозной форме. Внутренняя гармония невозможна без понимания дисгармонии между тем, что ты хочешь, и что можешь. Чтобы понять это, надо быть уже зрелым человеком. В молодости внутренняя гармония редкого кого посещает. Молодость — это поиск. Поиск самого себя. Когда желаний больше, чем ты можешь. Это всегда боль. Все оценки и самооценки явно смещены. Надо прежде всего понять самого себя.

Любовь ускользает, стихи и дети остаются

— Вы себя знаете?

— Ну что вы! Конечно, нет. Стараясь познать. Самопознание, наверное, и есть цель человека. Если познаешь себя, как говорится, познаешь мир, а изменишь себя — изменишь и мир... Могу про себя сказать, что мне с трудом удалось избавиться от преувеличенного высокого мнения о самом себе. Человеку свойственно завышать или занижать свою оценку. И редко, когда она соответствует ре-

альности. Чаще мы наблюдаем комплексы неполноценности.

— У вас долго была завышенная самооценка?

— Довольно долго. Когда живешь в одной стране и добиваешься каких-то результатов в своем кругу, возникает одно ощущение. Но когда попадаешь в иную среду, оказывается, что там тебя никто и не знает, и слыхом о тебе не слышали. Это сразу отрезвляет и помогает понять собственную незначительность, что дает импульс к росту, к работе — учению, творчеству.

Конфуций говорил, что люди делятся на тех, кто учится всю жизнь, и тех, кто думает, что все знает. И что не надо помогать человеку в том, что он должен сделать для себя сам. Самое интересное для меня — учиться. Было бы время, я зашел бы в Оксфорд, просто у нас английский, чтобы говорить на нем элегантно.

— Многие мы получаем по наследству, вы говорили о любовно-бытовой прадеда — Василия Сурикова. Ваш отец Сергей Владимирович Михалков как-то сказал, что не знает другого мужчины, кроме вас, за кем бы так охотно шли женщины. Это правда?

— Ну мне об этом трудно говорить. И как можно? Да, я очень люблю женщин. И вообще — людей. Они мне интересны. Но, думаю, что женщинам, с которыми у меня были интенсивные, романтические отношения, я многое и давал.

В принципе я человек дающий — имею в виду нечто духовное. По мере моего внутреннего роста, зрелости, расширения кругозора и опыта мне всегда хотелось дать тем, кого люблю, максимум того, что имею, что знаю. Конечно, это не деньги, а совсем иной мир. Впрочем, отношения с человеком строятся по принципу общности. И мои женщины, как правило, всегда открыты для принятия каких-то идей — то ли это музыка, то ли поэзия, то ли природа...

— Это помимо любви?

— Любовь — и значит давать все это. Любовь — это же не секс. Это — взаимоотношения. Эротика может быть и без любви. Так, во всяком случае, у мужчин. Да и у зрелой женщины тоже. Конечно, женщине труднее иметь чувственные отношения без любви. Мужчины устроены по-другому. К неудовольствию многих жен, биологические иссле-

была крайне нетерпимым человеком.

— Вот именно. Но институт брака свои функции теряет. Особенно на Западе. Раньше мужчина традиционно добывал пищу, а женщина поддерживала огонь в очаге. Сегодня женщина, к сожалению, становится все более независимой.

— К сожалению?

— Да. Это мое мнение. Женщина не может быть независимой просто в силу своей биологии. Грудной ребенок каждые двадцать секунд ищет лицо матери. Контакт глазами создает ему комфорт. Обнаружено также, что порошковое детское молоко, созданное по идеальной формуле материнского, не идет. В Индии — один антигид, в Норвегии — другие. Природное материнское молоко индийской женщины дает ребенку иммунитет против холеры и дизентерии, а норвежский — против цинги и недостатка солнечных лучей. Наука возвращает нас к естеству.

— Возможно, и жизнь нас тоже вернет к естеству.

— Конечно. Посмотрите, какое количество разводов! Раньше был церковный брак. Анна Каренина попыталась его нарушить, но все кончилось трагически. Сейчас же, если женщина хочет просто жить с мужчиной — живет, хочет иметь только ребенка — имеет. У нее появилась возможность выбора. Связи становятся просто эфемерными. Думаю, Россия в этом смысле — страна все еще традиционно настроенная. Русской семье, чтобы быть крепкой, просто нужен достаток. Будет достаток — не будет алкоголизма, нашего первейшего врага.

Шекспировские страсти

— Формы выражения чувств у каждого народа свои?

— Любовь по-китайски, по-шведски, по-мусульмански и по-русски — абсолютно разные вещи. Выражение эмоций, свойственное европейцам, скажем, в средние века, сегодня иное. Посмотрите, как благообразна, сдержанна и, я бы сказал, формально приветлива Англия. Так удобней. Британская форма чувств сегодня не та, что была во времена Шекспира. Страсти, чувства тогда были куда важнее принципов. А когда любовь сильнее принципов, возникает коррупция. В Англии сегодня важнее всего принципы. Закон важнее чувств. Закон важнее любви. И коррупции там гораздо меньше.

— Но там уже и нет шекспировских страстей.

— Вот именно. Но ими зато охвачен весь третий мир, где чувства сильнее закона. Ради них человек может нарушить правила игры. Россия сейчас такая, какой Англия была во времена Шекспира. У нас эмоции преобладают над разумом. Скажем, моя семья мне дороже всего, и ради этого чувства я могу нарушить любой закон.

— Сами можете его нарушить?

— Конечно, я же русский. И люблю по-русски, то есть не боюсь своих чувств, не бегу от них. А вот американец или англичанин бежит от своего чувства, стесняется его. Закон, порядок для него важнее. Он не любит жаловаться, не может заплакать у женщины на коленях.

— А вы?

— Могу. Мои чувства ничем не приглушены. Думаю, что в чувствах вообще есть две фазы: боль и блаженство. Они сменяют друг друга. Боль — от страха, ревности, зависти, от неспособности что-то сделать. Боль, боль, боль... И блаженство — осуществление. А поскольку все болит у древа жизни, то боль — выражение ее природы.

— Каковы, по-вашему, русские женщины в любви?

— Все вырастает из системы ценностей. Русская женщина в определенном смысле — идеал.

— В чем?

— В ней нет, как правило, довлеющей самооценки. Она любит подчиняться. Она не стесняется своего чувства. Полностью отдается любви. Надо сказать, что европейцам свойственна некая ирония, а она убивает чувства. Французы, например, любят форму, а она тоже порой убивает содержание. Я бы сказал, что в отношениях между французом и французкой есть обаятельный цинизм. Русские женщины очень чувственные, искренние. Они созданы не для того, чтобы строить собственную карьеру, а — чтобы строить мужчину.

— У вас большой опыт?

— Не думаю, что у меня было больше женщин, чем у любого другого мужчины из богемной среды.

— А сколько разбитых сердец?

— Я же не виноват. Я давно уже не строю иллюзий.

— Вы уходите от женщины или она от вас?

— По-разному.

— Когда больше?

— Больно, когда понимаешь, что все кончилось. А потом — облегчение, поскольку время все лечит, за исключением одного. Дети. Они-то ни в чем не виноваты.

— На одном из московских кинофестивалей я заметила, что Настасья Кински следовала за вами повсюду, как ниточка за иголкой.

— При том, что Ольга Васильевна

кой, хотя и была с мужем.

— У меня с Настасьей никогда не было романа. Она помогла мне в определенный период моей жизни в Париже, потом я снимал ее в фильме «Любовники Марины», и у нас с ней чудные отношения. Хотя кто-то даже писал, что у нее ребенок от меня. Но это неправда. Мне кажется, я много ей дал как режиссер.

— Съёмочная площадка сближает постановщика с актерами?

— Еще как! Я могу из артиста что угодно вытрясти. Возможно, внешне это и похоже на любовь, но вовсе не роман. На съёмочной площадке возникает масса чувственных моментов. Иногда схватишь актрису за плечико, начинаешь шептать ей на ухо, чтобы встряхнуть... Правда, так было раньше, сейчас я работаю по-другому. Немудрено, что партнеры по сцене как бы логически продолжают отношения и в жизни. Но вовсе не значит, что это — правило.

— Можно ли сказать, что вы много дали разным женщинам, а вам самому много дала Ширли Маклэйн?

— Да, конечно. Ширли дорога мне. Через нее я узнал Америку. Она ищущий и учащийся человек. У нее замечательная энергия, она ни минуты не сидит спокойно. У нас сохранились хорошие отношения, хотя разрыв был очень резкий. Ширли делает то, что хочет. Счастливы люди, завоевавшие такое право.

Звездой сцены Ширли стала рано, а в 53 начала писать книги. Она познала меня со всей элитой Америки тех лет: Фрэнк Синатра, Кэри Грант, Барбра Стрейзанд... Звезды посыпались на меня, и я все удивлялся, куда же попал. Но, знаете, познание умножает скорбь, как сказано у Екклесиаста. Чем больше знаешь, тем больше грустишь. Однако гармония без грусти невозможна. С помощью Ширли я утратил многие иллюзии — и о себе, и об американском обществе: возможно ли перешагнуть в него, раствориться? Возможно, конечно, но нужно ли?.. Ширли очень сильный человек, занимается медициной, ездит к гур.

— Она зарезала вас этим?

— Я немного позанимался, но понял, что это не мое.

— Вы — верующий?

— Не могу ответить однозначно. Я — неверующий. Мне предстоит еще большой труд, чтобы многое понять. Но я крещеный православный человек. Меня посещают порой те же вопросы, что и Ивана Карамазова, — об относительности добра и зла.

— В телесериале «Одиссея» звучат слова: «Без Бога человек — ничто». Это и ваше ощущение?

— Безусловно. Без Бога человек становится животным.

— В чем вы видите проявление божественного в человеке?

— В самых простых актах самопожертвования и доброты, начиная с милостыни. В принципе меня не удивляют акты, подтверждающие эгоизм человека, его корыстность, его равнодушие. Я к этому готов. А вот акт доброты, причем от незнакомого человека, поражает. Наверное, потому, что сама я довольно скептически. Меня не удивляет то, что я жду. Думаю, главные акты доброты совершаются анонимно. Они тоже проявление человеческой любви. И, конечно, редкость.

— Могли бы привести какой-нибудь пример?

— Как-то мне позвонил, не назвавшись, мужчина. Он сказал: «Андрей Сергеевич, у вас растет прекрасная дочка. Вы об этом не знаете. Звоню только потому, что ее мать бедствует...» Я связался с этой женщиной, но она не захотела со мной на эту тему говорить. Прошло время, прежде чем она призналась. И тогда мне стало ясно равно — моя это дочь или нет. Я понял, что должен помочь.

— Видитесь с дочерью?

— Выхожу. Но она только два года назад узнала, что же ее отец. Такая мама. Этот поступок говорит о ее высочайшей чуждости.

— Это вызывает уважение. А какие женщины вам нравятся?

— Порой движение брови или жест могут выявить привлекательность и женственность. Иногда на фотографии — красавица, а в жизни видишь, как она открывает рот, берет в руки чашку или как шагает — становится ясно, что в ней больше мужского начала.

— Но ведь и в мужчине живет женщина.

— Это так. Во мне самом много женственного. Наверное, поэтому у хороших работают с артистами. Чувствую их. Самое главное для меня в женщине — нежность. Нежность не в смысле прикосновения, а в ее отношении к жизни. Трезвотность. Бережность. Толстой говорил: какое это заблуждение — принимать красоту за добро. Красота — вещь относительная. Женщина важнее не в экстерьере, что, разумеется, тоже привлекательно, но в проявлении своих внутренних чувств и качеств.

— А что же такое любовь?

— В принципе любовь — это желание отдать себя.

Беседовала Лидия НОВИКОВА

Главный редактор номера: Ольга ТИМОФЕЕВА
Газета зарегистрирована в Мининформсвязи
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054.
© Общая газета. Периодическое издание по согласованию с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА.
Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШНИН.
Отдел распространения Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Отдел рекламы Тел.: 915-75-23; Факс: 915-26-06
Отдел маркетинга Тел.: 915-53-81

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. Гончарная, д. 1.
Справки
по телефону:
915-22-88;
факс 915-51-71,
e-mail:
oginfo@corbina.ru

Наш подписной индекс: 32138

Г А З Е Т А

Адрес «Гостиной «ОГ»:
121151, Москва,
Кузнецкий пр., д. 22
Электронная версия «ОГ»
в Internet:
www.relis.ru/MEDIA/og.html;
www.park.ru
в базе данных:
www.integrum.ru.

Общий тираж «ОГ» — 260990 экз. (региональный — 190000 экз.).
Цена свободная.
Розничное распространение
в Московском Метрополитене — Агентство
в С.-Петербурге Метрополитене — ООО «МЕТРОПРЕСС»
Верстка компьютерного центра «Общая газета».
Технический директор Валерий МАКАРОВ.
Отпечатано в типографии издательства «Пресса».
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 22.10.97 г.
Заказ 2508.

Редактор: Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПЕТРИН, Анна ПОЛИТОВСКАЯ, Юрий СОЛОМОНОВ, Ольга ТИМОФЕЕВА, Игорь ШЕВЕЛЕВ, Егор ЯКОВЛЕВ. Секретари: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ. Руководитель направления: Игорь АНДРЕЕВ (информация), Алексей БАУСИН (международная жизнь), Сергей ВАРШАВЧИК (СМИ), Владимир КИСЕЛЕВ (национальные проблемы), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Оксана ПОЛОНАЯ (спорт), Елена СКВОРЦОВА (право). Представители за рубежом: Николай АЛЕКСАНДРОВ, Федор ЮРИКОВ (Прага), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Эдуард ГОВОРУШКО (Рига), Александр ЖУРИН (Нью-Йорк), Наталья ЛОПАТНИНСКАЯ (Вильнюс), Лариса ОСТРОЛУЦКАЯ (Киев), Борис ПАНКИН (Стокгольм), Аркадий РОММ (Одесса), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНИН (Ереван), Алексей ХАЗОВ (Рим), Вера ЦЕРТЕЛИ (Тбилиси), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт). Исполнительный директор Наталья КЛОЧКО. Финансовый директор Дмитрий ШАЛИН. Директор по развитию Татьяна КАРАСОВА.